

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В IX–XIV ВВ.

В. А. Есис

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4., 220030, г.
Минск, Беларусь, leroka@tut. by*

В данной статье рассматриваются отдельные аспекты космогонических представлений, которые бытовали у населения на белорусских землях с IX по XIV в. Подчёркивается, что вопрос о картине мира древних славян является довольно сложным для изучения. В качестве предмета исследования выделяются концепции Мирового древа и Мировой горы, их происхождения и особенностей воплощения в различных, преимущественно письменных, источниках. Отмечается, что с течением времени под воздействием разных факторов менялись представления населения белорусских земель о мире и о месте человека в нем.

Ключевые слова: космогония; белорусские земли; язычество; Мировое древо; Мировая гора.

COSMOGONIC CONCEPTIONS OF THE POPULATION OF BELARUSIAN LANDS IN THE IX – XIV CENTURIES.

V. A. Esis

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, leroka@tut. by*

This article examines certain aspects of cosmogonic conceptions that were common among the population on the Belarusian lands from the 9th to the 14th centuries. It is emphasized that the question of the picture of the world of the ancient Slavs is rather difficult to study. The subject of research are the concepts of the World Tree and the World Mountain, their origin and features of their embodiment in various sources, mainly written records. It is noted that over time the conceptions of the population of the Belarusian lands about the world and the place of a person in it have changed under the influence of various factors.

Key words: cosmogony; belarusian lands; paganism; World tree; World mount.

«Космогония» происходит от греческого *κοσμογονία* – «происхождение мироздания». Для данного понятия существует множество определений. В астрономии – это раздел, изучающий происхождение планет, звезд, галактик и их скоплений [5]. Однако, в мифологии его значение иное: этим термином обозначают совокупность мифов и представлений, которые описывают пространственно-временные параметры Вселенной, т. е. условия, в которых протекает существование человека и помещается все, что может стать объектом мифотворчества [9, с. 6].

Космогонические мифы можно рассматривать в двух аспектах: синхроническом и диахроническом. Первый концентрируется прежде

всего на структуре, актуальном устройстве мира; второй – на возникновении Вселенной [9, с. 6]. В данной статье большее внимание будет уделено синхроническому аспекту космогонических мифов. Цель исследования состоит в том, чтобы показать, как с течением времени под воздействием различных культур и религиозных верований менялись представления населения белорусских земель о мире и о месте человека в нем.

Вопрос о картине мира древних славян является довольно сложным для изучения. В источниках нет прямых упоминаний о том, как они представляли устройство окружающего мира и своего места в нем, но есть основания предполагать, что у славян существовало понятие «Мировое древо». Его образ засвидетельствован во многих культурах или в «чистом виде», или в вариантах – «древо жизни», «древо плодородия», «древо познания» и т. п. Древо жизни обычно разделяется на три части: нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви). Каждая из них населена определенными существами. С первой обычно связаны фантастические существа хтонического типа, змеи, лягушки и др., со второй – копытные, изредка пчелы и человек, с третьей – птицы [10, с. 398–400].

Упоминания о подобном древе содержатся в «Слове о полку Игореве»: «Ибо вещей Боян ежели желал кому песню творить – мыслию взмывал по Древу, рыскал по земле серым волком, сизым орлом над облаками... Если бы тебе петь о походе том, порхая по Мысленну Древу соловьем» [12, с. 31–35]. В данном случае это не просто литературный прием. Сложно говорить о том, что произведение XII в. повествует именно о Древе жизни, но можно предположить, что это одно из его отражений.

Не менее здесь важен образ соловья. Как известно, именно птицы были символами Мирового древа. Эти представления отразились и в декоративно-прикладном творчестве. Так, популярными были в композициях декоративного творчества средневековые фигуры птиц и животных, оберегающих «Древо жизни». Этот мотив есть на оловянном кольце из Минска, колтах Вицинского клада. Птицы в геральдическом противостоянии по сторонам дерева получили широкое распространение в византийском и восточнославянском творчестве X–XII вв. [1, с. 480].

Не менее популярными были всяческие амулеты-обереги в виде коньков, зверей, рыб, топоров, ключей, ложек [1, с. 478]. Подобные мотивы встречаются не только на украшениях, но и на стеклянных изделиях и амфорах, найденных в Новогрудке. Большая часть из них была

привезена из-за границы: из Киева, Византии и Средиземноморья [1, с. 450–451].

Еще одним аргументом в пользу данной теории могут выступать славяно-скандинавские отношения. Так, на белорусских землях на протяжении продолжительного периода времени княжили варяги. В Повести временных лет под 980 г. упоминается князь Рогволод, что «пришел и-заморья имяши власть свою в Полотъске» [4, с. 52]. Имя Рогволод (Рангвальд) было популярно в среде шведских викингов и рыцарей до XV в. [6, с. 8]. Данные факты свидетельствуют о том, что он был варягом. В том же 980 г. Рогволод был убит князем Владимиром, который «собра вои многи, варяги и словени, чюдь и кривичи, и поиде на Рогвъолода» [4, с. 52]. Новгородский князь, сын киевского князя Святослава Игоревича, Владимир принадлежал к варяжской династии Рюриковичей.

Отношения между славянами и скандинавами устанавливались не только благодаря правлению княжеских династий, но и торговым сделкам. Большую роль здесь сыграл торговый путь «из варяг в греки». Главной целью восточной торговли шведских викингов были рабы, которых они обменивали на серебро. Не случайно куфические дирхемы были найдены на восточном побережье Швеции и в Беларуси, Латвии и на севере современной России [6, с. 5].

Как и все прочие народы, скандинавы приносили с собой свою культуру, обычаи и верования. Мировой ясень – Иггдрасиль – одно из центральных понятий в скандинавской мифологии. На его вершине сидит мудрый орел, а между его глазами – ястреб, корни Иггдрасиля гложут дракон Нидхегг и змеи [10, с. 478].

Сложно сказать, какое дерево в представлениях племен восточных славян, населявших территорию Беларуси, являлось Мировым, но можно предположить, что это был дуб. Об этом свидетельствуют археологические находки. Так, на дне Днепра и в низовьях Десны найдены стволы дубов, в которые были вбиты десять и четыре челюсти кабана соответственно. Как и это животное, дерево могло связываться с Перуном [11, с. 331]. Данные фольклора также свидетельствуют о том, что дуб для славян являлся священным деревом. Интересным является тот факт, что на территории Беларуси для мест, где размещались курганы, часто встречаются названия, которые происходят от слова дуб: Дубовица, Дубки, Дубняк и т. д. [3, с. 23].

В XIII в. на территории Беларуси и Литвы возникла новая держава – Великое Княжество Литовское. Смешение славянского и балтского населения не могло не отразиться на культуре обоих народов. В этот период времени на белорусские земли проникают представления о Мировой горе. Так, в Летописи Красинского XVI в. содержится описание похорон великого князя литовского. Этот отрывок интересен по нескольким причинам. Во-первых, здесь есть упоминание о Мировой горе; во-вторых, мы видим связь между представлением о Мировой горе и загробной жизнью; в-третьих, на языческие верования, которые описываются в данном отрывке, накладываются христианские представления самого летописца.

Как свидетельствует летопись: «И сын его Кгирмонт... подлуг приказанья отца своего на том мьестци, на устьи реки Вилии, где у Велю упадываеть, вчинили жьглищю, и там тьло отца своего, и коня его, на котором ежчивал, шату его, которую пошивал, и милосника его, на которого он ласков был, и соколо, и хорта его сожог» [8, с. 131–132]. С тех пор, по словам летописца, это место прозвали «Швинторога», по имени того князя, а «коли которого князя литовского або пана сожжено тьло, и при них кладывали ногъти або рыси або медвежьи для того, иж мели вьру тую, иж бы день судный мел быти, а так знаменовали себе иж бы бог мел приитии седъти на горе высокои, судити живых и мертвых, на которую ж гору трудно будет узойти без ногтеи тых рысех або медвежих, и для того подле них те ногти кладывали, на которых мели тую лезти и на суд до бога идти» [8, с. 132].

Швинторог – полулегендарный литовский князь, сын князя Утэнаса, княжение которого Хроника Литовская и Жемойтская относит к 1299 – 1300 гг. Именно с его именем связывают установление обряда трупосожжения. Место его захоронения, которое указано в летописи, находится на территории современной Литвы. Важно также то, что тут по его приказу был построен храм Перкунаса, в котором горел неугасающий огонь [2, с. 566].

Интересно упоминание о дне, когда бог будет сидеть на горе и судить живых и мертвых. Летописец подчеркивает, что хоть князья и «погани были», а все-таки верили в единого бога и имели представления о Судном дне. Однако следует помнить, что автор летописи жил в XVI в., поэтому смотрел на данный факт через призму своего христианского мировоззрения. До конца не ясно, о каком боге идет речь. Возможно, здесь говорится о Диевасе – в балтской мифологии бог дневного неба, «отец

неба». Он является одним из наиболее архаичных персонажей в мифологии близких к индоевропейцам народов [2, с. 141]. Его образ, довольно абстрактный и аморфный, подходит под описание в летописи. В летописях также сказано, что на месте захоронения Швинторога было построено святилище Перкунаса – бога грома и молний, близкого славянскому Перуну, который с X в. почитался как покровитель воинов, дружины и князей. Возможно, данное событие связано с тем, что здесь хоронили исключительно знатных людей, а именно князей и панов. Упоминание о Судном дне также следует подвергнуть критике: представление летописца могло исказить изначальную картину.

«Швинторога» будет упоминаться в летописях в связи с другой легендой – вещим сном великого литовского князя Гедимина. Одно из упоминаний об этом содержится в списке второго свода белорусско-литовских летописей, написанного приблизительно в конце XVI – начале XVII вв. и названного по принадлежности Археологическому обществу – летопись Археологического общества [7, с. 8–9]. После охоты на туров князь остановился на «Швинторозе», чтобы переночевать, и увидел чудный сон: «... на горе, которую звали Кривая, теперь Лысая, стоит волк железный велик, а в нем ревет, как бы сто волков выло». Проснувшись, Гедимин обратился за толкованием к языческому жрецу Лиздеико. Тот сказал князю, что «волк железный знаменует – город столичный тут будет, а што в нем ревет, то слава его будет слынути на вес свѣт». Так был основан город Вильно [7, с. 96].

На основании вышесказанного, мы можем сделать вывод, что образ Мировой горы появляется в представлениях населения территории Беларуси вместе с созданием, становлением и развитием нового государственного образования – Великого Княжества Литовского. Взаимное влияние и обогащение славянской и балтской культур привело к определенным трансформациям космогонических представлений населения белорусских земель. Следует отметить, что образ Мировой горы прочно закрепился в виде многочисленных названий возвышенностей – Девичья гора, Святая гора, Лысая гора и др., – а также легенд и поверий, с ними связанных [2, с. 114].

Таким образом, можно прийти к выводу, что космогонические представления населения белорусских земель до XIV в. постоянно менялись под воздействием разных культур. Так, с расселением племен восточных славян на данной территории были распространены представления о Мировом древе, что подтверждается данными

археологии, сведениями из отдельных письменных источников и фольклора. В XIII в., когда на территории Беларуси и Литвы начинает формироваться новое государственное образование – Великое Княжество Литовское – космогонические представления населения белорусских земель под воздействием балтской культуры подверглись некоторым изменениям. Так, наряду с Мировым древом начали формироваться представления о Мировой горе, что подтверждается письменными источниками. Данные верования закрепились на белорусских землях в качестве названий возвышенностей, а также легенд и поверий, с ними связанных.

Библиографические ссылки

1. Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 3. Сярэднявяковы перыяд (IX – XIII стст.)/ Я. Г. Звяруга, Т. М. Каробушкіна, П. Ф. Лысенка, Г. В. Штыхаў; Навук. рэд. П. Ф. Лысенка. Мінск: Беларуская навука, 2000. 554 с.
2. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінск: Беларусь, 2004. 592 с.
3. Дучыц Л. У. Археалагічныя помнікі у назвах, вераваннях і паданнях беларусаў/ Пад. рэд. М. А. Ткачова. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 59 с.
4. Из «Повести временных лет»// Хрестоматия по истории Беларуси: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. С древнейших времен до 1917 г. / сост.: Я. И. Трещенок [и др.]; под науч. ред. К. М. Бондаренко. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 18–66.
5. Космогония// Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]/ URL: <https://bigenc.ru/physics/text/2101643>. Дата доступа: 06. 10. 2021.
6. Котлярчук А. Шведы ў гісторыі й культуры беларусаў. Мінск: Выдавецтва «Энцыклапедыкс», 2002. 296 с.
7. Летопись археологического общества// Полное собрание русских летописей: летописи белорусско-литовские. Т. 35/ Н. Н. Улащик [и др.]. М.: Наука, 1980. С. 91–102.
8. Летопись Красинского // Полное собрание русских летописей: летописи белорусско-литовские. Т. 35/ Н. Н. Улащик [и др.]. М.: Наука, 1980. С. 128–144.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Т. 2: К – Я. Гл. ред. С. А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1988. 719 с.
10. Мифы народов мира: Энциклопедия. (В 2 томах). Т. 1: А – К. Гл. ред.: С. А. Токарев. М.: «Советская Энциклопедия», 1987. 671 с.
11. Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. В 2 кн. Кн. 1/ О. Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец; Нац. акад. наук. Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларуская навука, 2016. 410 с. (Славянские древности Беларуси).
12. Слово о полку Игореве / Предисл. Д. С. Лихачева; Стихотв. перевод, комментир. прозаич. перевод и послесл. А. Ю. Чернова; Реконструкция древнерус. текста и примеч. А. В. Дыбо; Ил. С. К. Русакова. СПб.: Вита Нова, 2006. 360 с.: 55 ил.